

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

ГОСТЬ У РУССКИХ И ИНЫХ СЛАВЯН: СВОЕОБРАЗИЕ ВОСПРИЯТИЯ ЧЕРЕЗ ЛЕКСИЧЕСКОЕ АССОЦИИРОВАНИЕ

А. М. Калюта

*Белорусский государственный университет,
ул. Карла Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, akalyuta1@yandex.ru*

Проанализирована ассоциативная составляющая концепта *гость* и представлений о гостеприимстве в русском, белорусском, украинском и болгарском языках, выявлено универсальное и специфическое в лексическом ассоциировании как отражении традиций славянских культур и скрытых личностных ощущений; установлено, что в лексическом ассоциировании происходит актуализация разных форм отношения нации к гостям и гостеприимству (выявлено 60 % позитивных и 40 % негативных реакций).

Ключевые слова: славянские языки; психолингвистика; словарь ассоциативных норм; концепт *гость*.

Национальная культура гостеприимства чаще становится предметом культурологического исследования.

Психологические и поведенческие стереотипы, присущие каждой нации, часто сопровождаются речевыми формами, позволяющими выделить определенные тематические лексические группы, в которых концентрируются различные национально-культурные особенности. Система ценностей каждой нации, каждой культуры складывалась исторически. Иногда элементы и даже целые тематические лексические группы разных культур пересекаются, совпадают. Но даже близость родственных языков и перекрещивающееся развитие их культур не исключают проявления на фоне культурных универсалий уникальных свойств в каждой из них. В этом плане сравнение ассоциативных полей слов разных языков является одним из эффективных способов выяснения универсального и специфического, того, что объединяет и различает культуры и языки.

Концепт *гость* является одним из базовых в каждой культуре [1; 2], формируется он обычно в течение многих веков, поэтому современное представление о госте имеет в основании глубокий диахронический пласт знаний и представлений о нем и о гостеприимстве в целом. Совпадая в общих чертах, этот концепт в каждой культуре обнаруживает особенности, наличие которых обусловлено историческими традициями гостеприимства и национальным менталитетом, складывающимся из многих составляющих: этикета, воспитания, образования, религии, экономики, благосостояния и др. – т. е. всего того, что в итоге составляет картину мира.

Концепт *гость* может иметь разные формы воплощения (картина, образ, система действий, материальная культура), но наиболее доступный способ для его познания предоставляет язык. Именно в языке накапливается разнообразная информация, в том числе отраженная и закрепленная в ассоциациях, связывающих понятие о госте с многочисленными представлениями о гостеприимстве и о чувствах, возникающих при приеме или ожидании гостей. Кто же такой гость в представлении славян? Мы проверили словарные дефиниции четырех славянских языков: русского, белорусского, болгарского и украинского.

Словарь Ожегова-Шведовой сообщает, что гость – ‘тот, кто навещает кого-нибудь с целью повидаться, побеседовать, вместе провести время’, а также ‘тот, кто появился неожиданно’ [3, с. 131]. Болгарский словарь определяет гостя как человека, который ‘...дошъл в една къща да навести и да почете домакините’ и ‘...дошъл в един град или страна от друго място’ [4, с. 113]. Белорусский словарь указывает, что гость – ‘чалавек, запрошаны сваімі блізкімі ці знаёмымі на якую-н. урачыстасць, частаванне’ или ‘чалавек, які наведаў каго-н. выпадкам або з пэўнай мэтай’ [5, с. 71–72]. В украинском словаре гость – ‘хто приходить, приїздить відвідати кого-небудь удома. || Особа, запрошена на весілля, вечірку і т. ін.’ или ‘особа, запрошена або допущена на збори, засідання, з’їзд т. ін. [6].

На фоне общих и частично совпадающих сем (*навестить* для всех четырех языков, *быть приглашенным* для белорусского и украинского, *приехать в другое место* для болгарского и украинского, *прийти неожиданно* для русского и белорусского) в словарных дефинициях обнаруживаются некоторые расхождения, подтверждающие существование определенных различий в восприятии гостя и представлениях о гостеприимстве среди славян. Так, русские целью прихода

в гости считают желание *повидаться, побеседовать и вместе провести время*; гость у болгар своим посещением желает *уважить хозяев*; белорусы говорят о *торжестве*, ради которого приглашается гость, и *угощения*, сопровождающем его приход; в украинском словаре поводом для приглашения называются *свадьба, вечеринка*, а также *собрание, заседание, съезд*.

Если уж находятся различия на уровне академических и виртуальных изданий, то можно предположить, сколько своеобразного можно обнаружить в лексическом ассоциировании рядовых носителей языка! С этой целью мы провели анализ ассоциативных полей слов-стимулов *гость / гост / гощь / гість* соответствующих четырех языков по «Славянскому ассоциативному словарю» 2004 г. [7]. Анализ ассоциативных полей позволил выделить 6 групп ассоциаций, в которых обнаруживается отношение к гостям и проявляются традиции гостеприимства. Охарактеризуем каждую из групп.

Группа *Формы и атрибуты гостеприимства* наиболее значительной по разнообразию и количеству реакций оказалась в белорусском (20 реакций с суммой частот 47) и болгарском (17 – 38) языках. В белорусском отметим реакции *стол 17, застолле 5, пачастунак 4, багаты стол 2, вечарына 2 и п'янка 2*. В болгарском – *маса 8, вечера 7, веселба 4, трапеза 3, тост 2, угощение 2, цвете 2*. Наметившаяся в этих языках тенденция к унификации ассоциирования подкрепляется данными в русском и украинском языках. В русском находим *стол 4, пьянка 4, застолье 2*, а в украинском – *стіл 9, застілля 2*. Нет ничего удивительного, что стол и связанное с ним угощение являются доминантами гостеприимства в традициях славян, ибо истоки этого следует искать в ритуалах, формировавшихся в доисторическую эпоху и подерживавшихся в период Древней Руси [8, с. 577].

Конкретное наполнение ассоциативными составляющими представления о застолье находим в группе *Еда/напитки*. И здесь по сумме частот реакций впереди белорусский язык (14 – 30): *ежа 10, чай 5, водка 2, гарэлка 2 и торт 2* (остальные реакции единичны). В болгарском словаре (11 – 6): *ядене 3, тиене 3 и алкохол 2*. В украинском (6 – 13): *чай 5, торт 4*, а в русском (7 – 12) – *чай 5, еда 2*. Исследователи уже отмечали «предметное видение мира, которое отражается в русской лексике гостеприимства, включающей в себя понятия угощения, трапезы, приглашения отведать блюдо или хотя бы выпить чаю...» [9, с. 264]. Это же удивительное единство наблюдается в формах и атрибутах госте-

приимства и связанных с ними представлениях о застолье и в других славянских языках.

В группе *Положительная оценка гостя* больше всего реакций у украинцев (37 – 162): *бажаний* 39, *друг* 13, *приемный* 13, *довгожданний* 10 и т. п. Затем идут белорусы (20 – 124): *сябар* 42, *жаданы* 24, *дарагі* 12, *чаканы* 12 и т. д. Третьи – болгары (21 – 109): *приятел* 59, *добър* 6, *скъл* 6 и русские (17 – 105): *друг* 44, *желанный* 11, *званный* 8 и т. д. Если рассматривать лишь содержательную сторону лидирующих по частоте реакций, то при их в целом списочном совпадении бросается в глаза, что для украинцев гость скорее *желанный*, тогда как для белорусов, русских и болгар он чаще всего *друг*.

В группе реакций *Отрицательная оценка гостя* по сумме частот лидирует русский язык (26 – 171): *нежданный* 67, *незванный* 46, *татарин* 21, *хуже татарина* 6, *враг* 5 и др. На втором месте – белорусский (32 – 140): *нечаканы* 54, *татарын* 26, *нязваны* 17, *вораг* 5 и др. Очевидно, что общий культурный фон предопределил появление ряда одинаковых реакций: *татарын/татарин*, *хуже татарина*, *непрошенный/няпрошаны*. Интересна и реакция *враг/вораг*: издавна восточные славяне рассматривали врага как непрошеного гостя, этим словом обозначали чужака, приезжего (лат. *hostis* ‘чужой, чужеземец, враг’, др.-русск. гость ‘чужестранец, приезжий купец’) [10, с. 447]. В представлении русских гость еще *обжора*, *наглый*, *лишний*, *мразь*, *надоедливый*, *нахал*, *обуза*, *пошлый*, *плохой* и т. п. Схожие негативные оценки дают и белорусы: *абжора*, *балван*, *дармаед*, *дарэмны*, *дурань*, *зануда*, *злой*, *непрыемны* и др. У белорусов также зафиксированы две уникальные зооморфные реакции *саранча* и *баран*, в которых проступает негативная оценка количества съеденного и интеллекта.

У болгар в этой группе (21 – 102) находим: *неканен* (‘непрошенный’) 50, *натрапник* (‘навязчивый человек’) 11, *чужд* 6, *досадник* (‘зануда’) 4, *нахалник* 4 и др. Здесь выделим реакции *натрапник* и *досадник*, так характеризующие гостя за появление против воли хозяина дома и за скуку, которую он навевает своим присутствием. Для болгар гость еще и *авантаджия* (‘шаромыжник’), *мъчител*, *тарикат* (‘плут’) и др.

В украинском словаре (22 – 82): *нежданий* 16, *незваний* 15, *непроханий* 12, *небажаний* 5, *несподіваний* 3, *татарин* 3, *поганий* 2 и др. Здесь негативная оценка гостя по преимуществу вызвана внезапностью прихода, хотя стоит все же различать значения ‘непрошенный’ и

‘неожиданный’: первое имеет явную негативную окраску ‘нежелательный’, второе мягче: ‘нарушающий планы хозяина’. Реакция *татарин* стала следствием частично общего среди восточных славян культурного ареала, существующего благодаря распространению русского языка. В болгарском языке такой реакции нет, что свидетельствует о вхождении его в иной культурный ареал.

Группа *Положительная реакция на приход гостя* дополняет представления о гостеприимстве, радушии славян. По сумме частот здесь впереди украинский (31 – 101): *радість* 47, *свято* 12, *подарунок* 11 и др. Далее болгары (39 – 91): *радост* 13, *добре дошъл* (‘добро пожаловать’) 12 и др. Здесь отметим появление нескольких глаголов, демонстрирующих гостеприимство и придающих ему динамику: *посрещам*, *гостувам*, *каня*, *внимавам*, *бъбря* (‘болтать’) и др. В белорусском в этой группе (21 – 74) находим: *радасць* 29, *свята* 18 и др.

В русском словаре (17 – 53): *радость* 24, *праздник* 11, *хорошо* 2, *удовольствие* 2 и др., а также единственная глагольная реакция *угощать*. В целом, налицо заметная схожесть, типичность реакций этой группы для всех четырех языков, что вызвано существующими стереотипами поведения и схожими национально-культурными эталонами восприятия гостя.

В последней группе *Отрицательная реакция на приход гостя* чуть больше реакций оказалось у болгар (11 – 25): *изненада* 13, *досада* 3, *зло*, *изпитание*, *лъжа*, *навлек* и др. У русских таких реакций 15: *вон*, *головная боль*, *навязался*, *надоел*, *как кость* и др. У белорусов их 14: *растраты* 3, *не трэба* 2, *аб’ядае*, *а на халеру* и др. В украинском 14 реакций: *витрати* 2, *в горлі*, *поріг* и др. В реакциях этой группы у всех языков оказалось больше разнообразия и национальной специфики, чем в группе, где приход гостей оценивался положительно. Видимо, такие реакции менее стандартны, чем положительные формы этикетных слов и фраз. По нашим подсчетам, носители четырех исследованных языков выдали 203 положительные реакции с суммой частот 819, тогда как число негативных реакций 150 с суммой частот 542.

Исследователи указывают, что «общим местом этнографических описаний стали констатации в том смысле, что обычаи гостеприимства весьма свойственны такому-то народу» с последующим перечислением «разнообразных вариаций этой добродетели в разных странах» [12]. Однако в лексическом ассоциировании происходит актуализация истинного отношения нации к гостям и гостеприимству: в целом для

четырёх языков только 60 % реакций, оценивающих гостя и выражающих отношение к его приходу, оказались положительными, а 40 % – отрицательными! Если же конкретизировать отдельно по языкам, то цифры показывают, что «гостеприимнее» других украинцы, у которых 73 % положительных реакций и 27 % отрицательных. Вторыми идут болгары, у которых это соотношение составляет 61 % к 39 %. Третьи – белорусы, у них 56 % положительных реакций и 44 % отрицательных. Русские же при всех их традициях гостеприимства дали только 46 % положительных реакций при 54 % негативных, оставшись единственными с отрицательным балансом. Частично это объясняется историческими факторами, вызвавшими появление некоторых пословиц и устойчивых выражений, где гость фактически приравнивается к врагу, чужаку (что соответствует этимологии слова) или нежелательному посетителю: *Незванный гость хуже татарина; Вот тебе бог, а вот тебе порог! Не вовремя гость – пуще злодея* и многие др. [13]. Но частично это объясняется и тем, что на гостя возлагался ряд обязательств, выполнение которых ему вменялось согласно существовавшим традициям. Очевидно, что это случалось не всегда, поэтому гость и предстал в нежелательном контексте, вызывая соответствующее к себе отношение, передававшееся от поколения к поколению в форме традиций и пословиц.

Библиографические ссылки

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
2. Гарипова Г. Р. Концепт «Гостеприимство» в русском и английском языках (на материале фразеологизмов) : автореферат дисс. канд. филол. наук, Уфа, 2010.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998.
4. Български тълковен речник / Андрейчин Л. [и др.]. Второ издание. София, 1963.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Том 2 / пад рэд. К. Атраховіча. Мінск, 1978.
6. URL: <https://1550.slovaronline.com/>
7. Славянский ассоциативный словарь / Уфимцева Н. В. [и др.]. М., 2004.
8. Платонов О. А. Святая Русь. Большая энциклопедия русского народа. Русский образ жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2007.
9. Чирич И. В., Штукарева Е. Б. Лексика гостеприимства в русской языковой картине мира. *Modern Studies of Social Issues* 2019, Volume 11, Number 5. С. 255–267.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Том 1. М., 1964.

11. Смирнова Л. А. Национально-культурная специфика реализации концепта 'гостеприимство' в русской пословичной картине мира // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы : материалы I Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2011 г.). Челябинск : Два комсомольца, 2011. С. 48–51. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/24/733/> (дата обращения: 06.09.2021).

12. Русаков В. М. Гость как культурно-исторический феномен [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gost-kak-kulturno-istoricheskiy-fenomen>

13. URL: <https://allposlovicy.ru/gostepriimstvo>.

ЛИНГВОСЕМИОТИКА ЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Л. А. Козловская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Kazlovouskaja@bsu.by*

На основе описания лингвосемиотических особенностей статусов пользователей социальной сети Фейсбук показана специфика коммуникативного поведения виртуальных коммуникантов. Представлены актуальные данные пользовательской активности в современном интернет-пространстве. Выявлено условное интенциональное разграничение всех пользователей на две группы в зависимости от целевых коммуникативных задач присутствия на данной платформе. Обосновано и на конкретном фактическом материале доказано, что лингвистические способы презентации личного пространства в условиях интернет-коммуникации в значительной степени зависят от языкового опыта и творческого потенциала ее субъектов.

Ключевые слова: интернет-коммуникация; социальные сети; лингвосемиотика; личное пространство.

В настоящее время в мире устойчиво сформировалось специфическое социальное сообщество пользователей социальных интернет-сетей. Функциональная специфика пользовательской активности определяется при этом следующими основными факторами:

♦ отсутствием непосредственного слухового и зрительного контакта с собеседником;

♦ возможностью сохранения анонимности, при которой интернет-коммуниканты зачастую представляются только своими виртуальными